

КАРТИНКА 5. ТРАДИЦИИ. МАРШРУТ: СТАРИН- НЫЕ ИКОНЫ — ОМУТ ВРЕМЕНИ — ЛИПОВЫЕ ОКЛАДЫ — ЧАЕПИТИЕ — САМОВАР — РОНА — БУК- ВИЦА — НЕГЛЮБСКИЕ РУШНИКИ — СТАРШАЯ ЖЕНЩИНА РОДА — ПУТЬ ТРАДИЦИИ

Анна Григорьевна прошла вперед и стала подниматься по лестнице на второй этаж музея. Скрип ступенек убаюкивал меня, и я, следуя за ней, начала погружаться в пространство, населенное потемневшими ликами святых, глядящими на меня сквозь окна-иконы. Запахло ладаном, воском и ароматом трав; словно семя в землю, в мою спящую душу начал проникать некий божественный звук. Сердце заныло и забило, как перед дверью родного дома, позабытого в странствиях по чужим, большим городам, вокзалам, аэропортам. Деловитость и жажда

книжных знаний отодвинулись, остались только глаза Божьей Матери, знающие все и возвращавшие в меня по каплям энергию любви, намоленную предками за столетия.

Голос экскурсовода, повествовавший об уникальных окладах для икон, вышитых из днепровского речного жемчуга руками ветковских мастериц, мешал и даже слегка раздражал меня, мне казалось, что сейчас любой рассказ только препятствует полноте моего единения с прошлым. Слова-брызги били в лицо и кололи в уши.

— Да вы не слушаете меня совсем! — в сердцах произнесла Анна Григорьевна и резко повернула ко мне голову. — Посмотрите только, какая красота и тонкая филигранная работа в этих резных липовых окладах, покрытых тончайшим слоем сусального золота. Липа — дерево мягкое, но упругое, только из этого материала можно создать такую райскую, объемную, светящуюся изнутри божественным светом красоту.

Кстати, отсюда и пошло выражение «да это же липа!», поскольку липовые позолоченные оклады для икон производят полное впечатление золотых. Хватит вам смотреть на иконы, они затягивают, забирают слишком много энергии этого мира. Голова у вас будет сильно болеть, и сознание можете потерять. Практика нужна ежедневная для общения с такими сакральными пластами прошлого. Очнитесь немедленно, дышите, нельзя так — сиганули в реку времени на серьезную глубину без тренировки, вот силенок-то вынырнуть и не хватает. Пошли-пошли быстренько отсюда к более простому и близкому времени.

Анна Григорьевна пристально посмотрела мне в глаза и практически силой потащила в другой зал музея. Туда, где в огромные окна лился полуденный солнечный цвет и где пузатые медные самовары пускали шаловливых зайчиков. Я даже закрыла глаза от такого резкого перехода из омута времени в яркую столовую как будто бабушкиного дома.

— Ну что, вынырнули, стало легче дышать среди знакомых предметов? — продолжала вытalkingать меня на поверхность времени Анна Григорьевна. — Это прообраз самовара — сбитенник для приготовления горячего медового напитка сбитня. Чай-то появился на Руси только в семнадцатом веке. Самовары использовались не только для чаепития дома, здесь вы видите казацкие походные самовары, в них готовили кулеш и кашу. Сияющий медный самовар стоил очень дорого и свидетельствовал о состоятельности семьи. Его давали в приданое и передавали из поколения в поколение как одну из величайших ценностей, ведь внутри самовара жила душа рода и дома, объединявшая за чаепитием и беседой всю семью. Нередко у пузатого сородича спрашивали совета, слушая, как он шумит, одобрительно или сердито попыхивает. А уж со вкусом чая из самовара, пропитанного дымком еловых шишек, разве может что либо сравниться? Медный красавец был другом, собеседником, членом семьи. У староверов были строгие обычаи чаепития. Во-первых, чай всегда разливала хозяйка дома, на стол выставлялась всякая вкусная выпечка и варенье, на плечи гостям вешались маленькие рушники — пот вытирать, так как за трапезу самовар ставился несколько раз и выпивалось по десять-пятнадцать стаканов чая. Это уже в начале прошлого века тульские фабрики купцов Баташевых массово стали выпускать самовары по доступным ценам.

— Знаете, Анна Григорьевна, я вам тоже расскажу историю о тульском самоваре, изготовленном на фабрике братьев Баташевых, — решила я поделиться событиями, произошедшими со мной несколько лет тому назад. На-

чалась она в Нью-Йорке, в знаменитом ресторане Russian Tea Room, расположенном рядышком с Карнеги-холлом, где среди ярко-красных диванов и таких же стен, разукрашенных золотыми узорами, стояло несколько десятков медных самоваров — маленьких и огромных, пузатых без труб и с длинными трубами, с узорными ручками и кранами. Представляете, как видят русскую чайную комнату американцы! Они бы сильно удивились, попав в этот музей и поняв, что обычно в заснеженной России единственный самовар стоял в деревянной светлице, где красный цвет встречался разве что на рушниках да на иконах. После этого я стала разговаривать со своими друзьями о семейных преданиях, связанных с чаепитием и с самоварами. Но, к моему великому сожалению, я слышала практически от всех одни и те же слова: «О каком семейном самоваре ты говоришь! Войны, ссылки, репрессии, иммиграции — здесь не то что самовара, даже фотографий предков не осталось. Почти все семейные истории скрывались от детей. Нет, ничего не знаем и не помним!»

Однажды, вернувшись во Флориду и окончательно отчаявшись получить какую-либо информацию о самоварах от своих друзей, я случайно в магазине встретила небольшого роста пожилую женщину, которая, услышав, что я говорю по телефону по-русски, подошла ко мне и обратилась по-английски:

— Здравствуйте, меня зовут Рона, моя семья приехала в Америку в начале прошлого века из небольшого белорусского местечка. Мои прабабушка и прадедушка вместе со своими девятью детьми пересекли океан в трюме корабля, практически без еды и воды. Самой большой ценностью, что они привезли с собой, был самовар. Я хорошо помню,

как моя бабушка рассказывала мне, что они сидели очень голодные в темном трюме корабля и слышали, как пищат крысы. Тогда бабушка начала просить свою маму, мою прабабушку, чтобы та поменяла самое ценное, что у них было, — самовар, на хлеб и накормила детей, а прабабушка ответила ей, что голод пройдет, а самое ценное надо беречь и что ее внучка, которая обязательно родится в далекой Америке, когда-нибудь прикаснется к этому самовару и вспомнит о своих предках и их далекой родине. Моя бабушка пообещала своей матери беречь этот самовар. С тех пор у нас в семье есть старинный русский самовар из Тулы.

Меня тогда поразила история этой американской семьи, хранящей у себя больше века самовар как символ далекой родины своих предков. Видя мой неподдельный интерес, Рона пригласила меня к себе домой, где и продемонстрировала свое сокровище — самовар, изготовленный на фабрике Василия Степановича Баташева. К тому же Рона оказалась замечательной художницей, она показала мне портреты своих бабушки и дедушки, нарисованные ею самой. Все девять детей ее прабабушки переплыли океан, остались живы, получили в Америке образование. Рона не знала, как и почему самовар оказался в ее семье, но берегла его как самую ценную вещь.

— Очень трогательная и символическая история, показывающая, что в самоваре действительно жила душа рода и дома, — сказала Анна Григорьевна, вытирая платочком уголки глаз.

— Да, замечательная. Только с очень грустным концом, — вздохнула я и присела на деревянную лавку светлицы.

— Почему с грустным? Самовар украли, или он сам вышел погу-

лять и потерялся? — попыталась пошутить экскурсовод.

— Нет, самовар просто выбросили за ненадобностью, как, впрочем, и написанные ею портреты бабушки и дедушки, — вспомнила я тот страшный ветреный день, когда я приехала повидаться с Роной.

Перед домом, где она жила последние годы, ее сын продавал ее вещи, среди которых были самовар и портреты. Когда я спросила его, где Рона. Он ответил, что она умерла неделю тому назад в соседнем госпитале. Я не могла поверить своим глазам, что за несколько долларов этот статный, образованный и достаточно обеспеченный мужчина продает реликвию своего рода, и попыталась объяснить ему, что этот самовар означал для его матери огромную семейную ценность, а значит, и для него тоже. На что он мне ответил: «Традиции семьи моей матери умерли вместе с ней, я уже не знаю и не понимаю их, у меня иная культура, я американец. Все, что я могу сделать, — это подарить вам, как русской, этот самовар в память о моей маме».

Теперь этот самовар, не электрический, расписанный для туристов, а настоящий баташевский, ставится у меня в саду под яблоней — и мы пьем ароматный, с дымком чай с пирогами. И я верю, что в нем сейчас пребывает душа моего дома и моему внуку очень нравится колоть деревянные чурочки для его растопки. Вот так, самовар шумел-шумел — и нашу мел мне дорогу.

— В этом мире все случается не просто так, и каждая встреча может многое изменить. Но давайте поднимемся на третий, последний, этаж музея, — повела меня опять к лестнице Анна Григорьевна. — Здесь, на чер-

даке, в голове дома живут книги с рукописными филигранными буквицами и рисунками фантастических зверей и птиц. Самые красивые — это певческие книги, ведь церковное старообрядческое пение — особенное. Этот переличатый музыкальный строй невозможно было передать нотной грамотой, музыкальные традиции певчих передавались только от учителя к ученику, поэтому в Покровском монастыре в XVII–XVIII веках была большая школа певчих и мастерская по изготовлению книг для них. Посмотрите, какими буквицами начинается каждая песнь, как будто райским светом раскрываются пелены прорастающего зерна мудрости и дыханием мороза расцветиваются оконца книг. Эти буквицы как камертоны: настраивали души и голоса певчих на передачу божественных звуков. Впереди нас ожидает зал рушников, где мы и закончим нашу экскурсию.

Марфа Евграфьевна, прикрыв глаза, сидела за кроснами и ловко перебирала нити, тихо напевая песню и притопывая в ритм правой ногой, как будто качая люльку ребенка. В витринах за стеклами висели красно-белые льняные длинные полотнища с изображениями ромбов, крестов, волн, фигур, напоминающих женские силуэты, птиц, гусей, медведей. У меня неожиданно возникло ощущение обманутой надежды, как будто я рвалась на берег живой сильной реки, а попала к красиво и хорошо оформленным аквариумам. Ощущение глубины и мощи ушло безвозвратно, плечи мои опустились, и слова Анны Григорьевны уже проходили мимо меня.

— Ну что, милая, пусто тебе, ломка, — раздался за моей спиной спокойный, ласковый голос Марфы Евграфьевны. — Хотела жар-птицу словить, да

она в сундуке не живет, она тварь вольная и тайная. Правильно почувствовала, какое тебе дело до того, что ромб — это символ пустоши, а ромб с крестом внутри — это пашня засеянная, ничего это тебе не дает. Зачем тебе уметь читать и толковать чужие судьбы давно умерших людей. Рушник — это дорога или река, рух, путь рода или человека, или войска, или народа, и читать его, толковать или создавать может только ткачиха-ведунья или пряха. Учить же этой традиции должна старшая женщина в семье, которую выберет родовой рушник. Езжай к старшей в своей семье и задай те вопросы, какие хочешь, она, если сможет, на них тебе ответит, а если нет, то даст рушник или пояс, что поведет тебя в дорогу за ответами.

— Есть один вопрос, что мучает меня после вашего рассказа о «Вожделении стрелы», можно задать? — спросила я старую казачку, почему-то пряча глаза под силой ее взгляда.

— Спрашивай, гостья, если знаю — отвечу. Отчего же не ответить! — сказала пожилая женщина.

— Марфа Евграфьевна, а что будет, если во время обряда молния на небе не блеснет и дождь не пойдет? — с трудом выдавила я из себя.

— Ты чего стесняешься, правильный ведь вопрос задала. Если во время обряда молния на небе не появится и дождь не заплачет, то большая беда будет на земле. Это значит, что горе, копившееся долго, не уйдет в небо и небесные силы не избавят людей от него. На моей памяти два раза не было молнии и не шел дождь. В 1942 году, когда немцы летом и осенью пожгли наши деревни вместе с людьми, тогда почти все пряхи погибли. И второй раз — в 1985 году. В тот год мои сельчане думали, что проскочили

беду, ан нет: в апреле 1986 ухнул черновобильский реактор, и почти весь Ветковский район выселили. Теперь уходи, прощай, езжай своей дорогой, устала я, — оборвала наш разговор пожилая женщина и стала опять стучать ногой, качая воображаемую люльку младенца.

Я поблагодарила Анну Григорьевну за интересную экскурсию и уже на выходе из музея купила схему расселения староверческих скитов. Стрелки уходили на север — к Балтийскому морю, на юг — к Черному и Каспийскому и на восток — через Омск, Красноярск, Иркутск, Байкал — и заканчивались на Аляске.

«Да, права старая казачка, надо ехать к своим корням, к папиной, пока еще живой, старшей сестре, к тете Оле надо спешить, чувствую, ждет она меня», — крутилось у меня все время в голове.

Нельзя познать традиции и свои корни из книг и в музеях. От учителя к ученику, от старшей к младшей, глазами в глаза, от живых уст к ушам — только так можно передать, как создавались староверческие песни, рушники, иконы.

КАРТИНКА 6. НЕ ПОЛОЖЕНО! МАРШРУТ: ПОХОД НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ — СЛУЧАЙНЫЙ ФОТОГРАФ — СТАРИК В МАЙКЕ «Я ПРОТИВ» — ПРИТЧА О ВОЗЛЮБЛЕННЫХ БОГА — ПОЕЗД ГОМЕЛЬ — МОСКВА — ПРОВОДНИЦА — ПАМЯТНИК СТАНЦИОННОМУ СМОТРИТЕЛЮ В МОГИЛЕВЕ

Сумасшедший запах сирени щекотал мне ноздри и приподнимал веки, принося с собой ощущение

счастья, какое бывает лишь в детстве. Утро разговаривало голосом радио, а из кухни доносился звон посуды и запах маминых оладушков. Подушки пахли солнцем и ветром.

После завтрака я направилась к железнодорожному вокзалу за билетом на поезд и, глядя вокруг, думала о том, что разница между старинной, деревянной Веткой, где каждый дом обладал своим характером, судьбой и родителями — древними мастерами, и Гомелем, современным городом, центр которого был застроен после войны кирпичными пятиэтажками, растянулась не только на двадцать километров асфальтового шоссе между ними, но и на три сотни лет.

Желтые, голубые и бежевые кубики зданий, только что выкрашенные и вымытые, выстроились в нарядную улицу, разделенную аллеей с побеленными и аккуратно постриженными деревьями. На свежевскопаных клумбах сквера рабочие-озеленители заканчивали высаживать уже цветущие кусты чайных роз и красили в белый цвет бордюрный камень. Впереди меня, посвистывая, вышагивал парень с рюкзаком за спиной, явно любовавшийся этой чистотой и нереальной ухоженностью улицы. Привычным жестом он достал из кармана телефон и начал фотографировать. «Как жалко, что я забыла свой фотоаппарат дома», — пронеслось у меня в голове, и тут же, как будто в ответ на мои мысли, окружающий мир явил рядом с молодым человеком майора милиции.

— Здравствуйте, гражданин, — обратился к фотографу страж порядка. — Зачем вы делаете здесь снимки? Видите, люди работают, украшают свой город, а вы их смущаете и мешаете. Дайте мне немедленно ваш телефон! — про-

изнес он голосом, не допускаящим возражений, и протянул руку.

— Извините, но это мой телефон и здесь не военная база, а обычная улица. Почему я не могу фотографировать то, что я хочу? — спокойно ответил представителю власти молодой человек.

— Вы меня не поняли, дайте мне телефон, я сотру снимки, которые вы только что сделали, и идите себе дальше, — продолжал наступать на парня милиционер.

— Это вы меня не поняли, я свободный человек, не нарушаю никаких правил, законов и фотографирую, где я хочу и что мне нравится. У меня есть несколько часов до поезда, вот я и решил погулять по этому красивому городу и сделать несколько снимков на память. А в чем, собственно, дело? — крайне удивленно ответил прохожий.

— Понятно, так вы приезжий и не знаете, что сейчас здесь должен проехать специальный кортеж, поэтому дайте свой телефон, а заодно и паспорт для проверки, — продолжил невозмутимым тоном майор.

Парень протянул милиционеру свой телефон и паспорт. Представитель власти полистал документ, потом стер снимки, развернул и зашагал мне навстречу.

— А вы что здесь делаете, гражданка? Предъявите свои документы! — с тем же напором обратился он ко мне.

— Я иду на вокзал покупать билет на московский поезд, — ответила я, протягивая ему паспорт.

— Вот и следуйте по своему маршруту, а не глазейте по сторонам, здесь не место сейчас посторонним лицам. Не положено, вы русский язык понимаете! Беда с этими туристами! — отчитал меня майор.

Не знаю, чем бы закончился наш разговор, как плетью ударивший меня словами «не положено», но тут из разрыва между домами на улицу вышел очень пожилой мужчина с палочкой. На его голову была нахлобучена выцветшая солдатская пилотка со звездочкой, а одет он был в майку с приколотыми к ней медалями и значками, в центре которой большими буквами было написано «Я против!».

— Так, у вас тут заговор, демонстрацию протеста собираете! Я сейчас покажу вам несанкционированный митинг перед спецкортежем! — заорал майор.

Тут же рядом затормозила милицейская машина, из которой вышли двое здоровенных сержантов и быстро затолкали в нее старика.

Очарование такого чисто-го и разноцветного города мгновенно рассыпалось, я свернула во дворы и уже по ним добежала до вокзала. «Не положено! Не положено!» — стучало у меня в висках. Я купила билет до Орши, где жила папина старшая сестра тетя Оля, на скорый поезд Гомель — Москва, и в отвратительном настроении, не отрывая глаз от кончиков своих туфель, тем же путем направилась домой.

— Ну-с, и что несешься вся такая «плюнь — зашипит», по сторонам не смотришь, с людьми

не здороваешься?! — раздался ироничный голос дяди Рафы, стоящего рядом с подъездом родительского дома и вытирающего платком мел на руках.

Я подняла глаза и увидела вначале два сердца, нарисованные мелом на асфальте, а сверху там же было написано: «Риточка, я тебя очень сильно люблю, ты наивысшая, ты мой космос, ты моя вселенная!»

Глядя на испачканные мелом руки маминого соседа и его лукавую улыбку, я сразу сообразила, что эту надпись только что сделал он.

— Понимаешь, Пропажа, Риточка — это девочка, что живет на пятом этаже надо мною, и потому назад здесь появилась эта надпись. Потом все, кто проходил мимо нашего подъезда, начали улыбаться и останавливаться. Хорошо стало вокруг! Но счастье недолговечно, и дожди смывали написанное мелом. Я потихоньку стал подрисовывать буквы, а здесь прошлую неделю маялся радикалитом, вот водичка и смыла художества. Вышел я сегодня за хлебом в булочную, а вокруг все какие-то злые, напряженные, вот я и решил в наш двор счастье вернуть! Пока рисовал, кланяясь асфальту и растягивая свою радикалитную спину, придумал короткую притчу. Хочешь первой ее услышать? — поинтере-

совался дядя Рафаил, осторожно присаживаясь на скамейку.

— Конечно, хочу, здравствуйте, дорогой Рафаил Маркович! — ответила я, выдохнув все свое гадкое настроение до капелюшки.

— Как ты правильно произнесла, точь-в-точь как твоя мама: «Дорогой, Рафаил Маркович!» Хотя соседа с четвертого этажа твоя матушка величает «милый Толя», и я это все должен терпеть! — продолжал меня смешить и разыгрывать дядя Рафа. — Притча же моя вот какая. У Создателя, когда он был мальчиком, была любимая девочка по имени Солнце. Это была очень грустная девочка, потому что ей было не с кем играть. Чтобы рассмешить ее, мальчик создавал для нее планеты и спутники. Солнце радовалось, но планеты и спутники надоели во все кружили и кружили вокруг нее, заглядывая в лицо и ожидая тепла, и ей опять стало одиноко. И тогда, чтобы развлечь любимую, мальчик вылепил из глины человечков и населил ими одну из планет. Увы, новые его творения также недолго развлекали Солнце. Задумался тогда мальчик и создал новую любимую, а вот способы ухаживания оставил старые. Видно, наибольшее удовольствие Создателю доставлял сам процесс творения!

Продолжение следует.

США

София

Агачер

МОСКВА

ГОМЕЛЬ

ОРША

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРИ СЕБЯ

РИГА

ТАЛЛИН

КОПЕНГАГЕН

ЛОНДОН

